

В результате рефлексии на успешное выполнение деятельности (или на перспективу успеха), учитель с развитой “Я-концепцией” испытывает удовлетворение, уверенность, чувство свободы. Такой педагог самоутверждается как личность, так как знает, что способен преодолеть препятствия личностного и духовного роста на пути достижения цели. Он интегрируется в педагогическом сообществе, передает другим свои “находки”, несет ответственность за свою инновационную деятельность перед детьми, родителями, собой.

Рассматривая коллективную инновационную деятельность как условие становления профессионализма учителя, мы не устраняем объективную необходимость субъективно-личностного начала в педагогическом творчестве и полностью разделяем позицию В.С.Библера: «Благодаря тому, что социальность всеобщего труда каждый раз творится заново и вместе с тем сохраняет свою культуру (ведь это социальность во времени, в полифонии культур), своеобразным «социальным квантом» действия неизбежно оказывается личность, постоянно неравная сама себе, способная вступать с собой в актуальный, действенный, продуктивный диалог. И именно поэтому способная вступать в живое, реальное общение с другой личностью».

Завалей Н.А., г. Екатеринбург

СВОЕОБРАЗИЕ ПОНИМАНИЯ В.С. СОЛОВЬЕВЫМ ГЕНДЕРНЫХ ПРОБЛЕМ

Философское творчество В.С. Соловьеваросло «не из одного, а из нескольких корней», связанных с первейшей нравственностью человека, определяемой стыдом, жалостью и истиной, писал В.В. Зеньковский (1,458). Уже это позволяет нам утверждать, что отечественная философская мысль, в том числе и В.С. Соловьева, важнейшей стороной которой является универсализм и нравственность, делающая человека человеком через познание Бога, не могла обойти гендерную проблематику.

В этом мы убеждаемся, анализируя «Оправдание добра», где автор размышляет о необходимости возвышения нравственных начал над животными инстинктами, богоподобного в человеке над звероподобным. В основе возвышения лежит стыд: «я *стыжусь, следовательно, существую*, не физически только существую, но и нравственно, - я *стыжусь* своей животности, следовательно, я еще существую как человек» (3,79). Во всех языках, слова, соответствующие понятию «стыд», отличаются двумя особенностями: связью с предметами половой сферы и применением этих слов ко всем случаям неодобряемого нарушения нравственных требований *вообще* (3,156). Важно здесь не столько то, что человек вообще *стыдится*, сколько то, *чего* он *стыдится*. Обладая этою способностью стыда, не замечаемую у других животных, человек мог бы быть определен как животное *стыдящееся*. Это определение, лучшее многих других, не отмечало бы, однако, в человеке носителя особого мира, или нового порядка бытия. Но тот факт, что человек прежде и больше всего *стыдится* именно самой сущности животной жизни, или коренного проявления природного бытия, прямо показывает его как существо

сверхживотное и сверхприродное. Таким образом в *этом стыде* человек становится человеком в полном смысле (3,157). Именно *стыд, жалость и страх Божий*, держат на себе всю человеческую нравственность и отвращают человека от зла. Человек призван *утверждать добро*, и его природа так устроена, что в ней есть для этого необходимые основания. Добро не имеет окончательного осуществления и пребывает в постоянной борьбе со злом.

Считая эти положения значимыми для повышения нравственности, В.С. Соловьев в «Чтениях о Богочеловечестве» подробно объясняет сам термин: *«Богочеловечество – это вершина всего мира, тотально устремленного к Богу*. Старая традиционная форма религии исходит из *веры в Бога*, но не проводит этой веры до конца. Современная внерелигиозная цивилизация исходит из *веры в человека*, но и она остается непоследовательной, - не проводит своей веры до конца; последовательно, же проведенные и до конца осуществленные обе эти веры – *вера в Бога и вера в человека* – сходятся в единой полной и всецелой *истине Богочеловечества*» (5,64).

Приведенные высказывания философа дают нам основание выделить гендерное своеобразие понимания В.С. Соловьевым антропологических проблем.

В статьях «Смысл любви» и «Жизненная драма Платона» Соловьев, *«договаривает мысли Диотимы»* в «Пире» Платона, интерпретируя их по-своему. Он выходит за пределы платоновской концепции, поскольку видит «смысл» любви не в индивидуальном «преображении», а в конечной задаче истории, охватывающей все человечество в его прошлом, настоящем и будущем. Автор усматривает в любви некую *магическую силу* и пишет о том, что человек не в состоянии разрешить «задачи любви» (4,535). Анализ Соловьева, считают исследователи, сводится именно к раскрытию возможности человека самому разрешить «задачу любви». Драма Платона состояла, по Соловьеву, в том, что, «подойдя *мыслию к задаче любви*, он остановился перед ней, не решился до конца понять и принять ее», не дал началу любви «победы на деле» и отступил перед стоявшей задачей (2,616).

Соловьев признает, что «*любовь существует в своих зачатках или задатках*» (4,513), но как разумное сознание человека не сразу достигло высшей творческой формы, так и любовь существует и там, где есть лишь ее задаток, хотя она в нем и не реализуется. Именно здесь Соловьев делает важный акцент на том, что в отличие от разума, который раскрывается в человеке не им самим (человек наделен разумом *свыше*), любовь может быть «*реализована*» (как сила, создающая бессмертие) «*через него*», т.е. в порядке естественных усилий (4,513). Это и есть «*своеобразная эротическая утопия* Соловьева», считал В.В. Зеньковский (1,492). Она в его утверждении, что в любви *открывается сила для победы над смертью*. Однако достигнуть этого «единичный человек может только сообща или вместе со всеми» (4,538). В.В. Зеньковский отмечал, что Соловьев признает «физическую невозможность частного решения (т.е. частичного – отдельным человеком или отдельным поколением) основной задачи любви» (1,493). При этом подчеркивает, что любовь как форма «*сизигии*» (греч. syzygia, соединение, сопряже-

ние - прим. автора, 6,638) «производит или освобождает *реальные духовно-телесные токи*, которые постепенно овладевают материальной средой, одухотворяют ее и воплощают в ней те или другие образы всеединства – живые и вечные подобию *абсолютной человечности*» (4,547).

Так магическая концепция любви находится в тесной связи с мистической метафизикой Соловьева, с его учением о «*становящемся абсолютном*», писал В.В. Зеньковский (1,493).

Не входя в подробности мыслей Соловьева о любви, обратимся к рассматриваемой им проблеме андрогинизма, которой он касался кратко, но оставил заметный след в русской религиозно-философской литературе.

Учение об андрогинизме связывают с понятием *изначальной андрогинности* человека, и *половой диморфизм* признается более поздним (как следствие грехопадения) в мистической литературной мысли. Еще Платон писал о *первичности андрогина*; распад этого единства мужского и женского начала «*поляризует*» изначальную андрогинность. Для Соловьева андрогинизм *не дан, а задан*, относится не к прошлому, а к будущему. В статье «Смысл любви» он писал: «Истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих. Осуществить это единство, или *создать* истинного человека, как свободное единство мужского и женского начала, сохраняющих свою формальную обособленность, но преодолевших свою существенную разнь и распадение, - это и есть собственная ближайшая *задача любви*» (4,513).

В.С. Соловьев писал, что речь идет о половой любви и *только о ней*, но в то же время подчеркивал: «внешнее соединение, житейское и в особенности физиологическое не имеет определенного отношения к любви, оно *бывает без любви и любовь бывает без него*» (4,518).

В статье «Жизненная драма Платона» Соловьев развивает учение о *пяти видах (половой) любви*, и называет высшей формой («совершенный и окончательный путь *истинно перерождающей и обожествляющей любви*», 2,619) соединение не внешнее, а внутреннее, которое, не отвергая, не уничтожая телесности, наоборот, способствует «*воскрешению мертвой природы для вечной жизни*» (2,620). Значит, является восстановлением «*цельного*» человека.

Заканчивая статью «Смысл любви», В.С. Соловьев подчеркивал, что он выполнил свою *задачу*, связав «в идее всемирной *сизигии* (*индивидуальную половую*) любовь с истинною сущностью *всеобщей жизни*» (4,547).

Постигая своеобразие понимания Соловьевым гендерной проблематики в контексте антропологии, мы убеждаемся в непреходящей ценности этих идей для педагогики и современного воспитания, а также необходимости постановки этих вопросов перед молодым поколением с целью выработки им моральных ценностей, нравственного самосовершенствования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зеньковский В.В. История русской философии. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001.
2. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона. / Соч.: В 2-х т. – М.: Мысль, 1990.

3. Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. –М.: Республика, 1996.
4. Соловьев В.С. Смысл любви. / Соч.: В 2-х т. –М.: Мысль, 1990.
5. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. –СПб.: Азбука, 2000.
6. Толковый словарь иноязычных слов. –М.: Рус. яз., 2000.

Загоруля Т.Б., г. Екатеринбург

ТОЛЕРАНТНЫЕ СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА АНДРАГОГИКИ

«Век живи, век учись». Эта поговорка является выражением самой сути андрагогики. В нашем скоротечном мире человеку необходимо уметь быстро адаптироваться к новым обстоятельствам, информации, требованиям, предъявляемым повсюду: в школе, в институте, на работе. Если в первобытном обществе можно было прожить, усвоив знания, умения, передаваемые от старшего поколения к младшему (как выследить дичь, как отличить съедобные растения от ядовитых и т.д.), то сейчас человеку приходится в течение жизни получать два, порой, три высших образования, постоянно повышать квалификационный уровень на различных семинарах, курсах. Все чаще субъектом образовательного процесса выступает взрослый человек, имеющий профессиональный опыт, устоявшиеся вкусы и предпочтения, определенные ориентиры и цели в жизни. Обучая взрослого человека, необходимо учитывать социально-психологические, возрастные, гендерные характеристики. Позитивными моментами в андрагогике являются: стремление взрослого к самореализации, к самостоятельности, желание достичь конкретной цели и безотлагательно применить полученные умения, знания, главное, ведущая роль в процессе обучения принадлежит взрослому студенту.

Учитывая значимость профессиональных, социальных, бытовых, временных факторов, мы считаем, что на первый план в учебной деятельности взрослого выступает проблема актуализации толерантных свойств личности. Человек оказывается включенным в треугольник межличностных взаимоотношений: работа, семья, учеба. В рамках этих взаимоотношений человек зачастую балансирует между «миром» и «конфликтом». Именно тогда толерантность выступает как «максима индивидуального этически мотивированного решения не только в случае затяжного конфликта, но и в случае конфликта, разрешаемого мирными средствами, и основана на убеждении, что другие конфликтующие стороны обладают принципиально одними и теми же правами» [1].

Известно, что в настоящее время представления о толерантности вышли за рамки «терпимости» как вынужденного допущения инаковости. В современном обществе толерантность может функционировать как активное отношение к другому, а не в качестве безразличия или вынужденности, с одной стороны. С другой, она подразумевает осознанное признание прав и свобод вне зависимости от этнических, религиозных, гендерных характеристик, безотносительно к силе или слабости человека и общества.

В андрагогике на первый план выступает коммуникативная толерантность, т.к. в ней решающую роль играет сама личность и ее качества, порожд-